

УДК 801.3
ББК 81.03

Е.С. Бульбенко

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ
КОНЦЕПТОВ «КОВАРСТВО»
И «ХИТРОСТЬ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Ф. ШИЛЛЕРА «КОВАРСТВО
И ЛЮБОВЬ»)**

Статья посвящена исследованию способа объективации концептов в эмоционально-категориальных ситуациях художественной коммуникации. Автором предлагается алгоритм анализа подобных ситуаций. Рассмотрение языковых средств репрезентации концептов позволяет дифференцировать основные признаки изучаемых концептов.

Ключевые слова: *эмоциональный концепт, эмоциональная доминанта, эмоционально-категориальная ситуация, художественная коммуникация.*

Бульбенко Елена Сергеевна – старший преподаватель кафедры германских и романских языков Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Тел.: 8-902-362-65-88
E-mail: twins04@mail.ru

© Бульбенко Е.С., 2012.

Задача статьи – уточнить понятие «эмоционально-категориальная ситуация» как коммуникативное пространство объективации эмоциональных концептов, проанализировать данный тип ситуаций на материале художественной коммуникации, уточняя средства объективации концептов «хитрость» и «коварство».

Концепты, как убедительно доказано лингвистикой, фиксируют миропонимание народа, а язык это миропонимание транслирует. Трансляции подлежат и эмоции, переживаемые человеком. Фиксация этих эмоциональных состояний происходит с помощью концептов, относимых к группе эмоциональных концептов. Предметом нашего рассмотрения являются языковые средства объективации эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость» в эмоционально-категориальных ситуациях (далее – ЭКС) на материале художественной коммуникации. Под эмоционально-категориальной ситуацией мы понимаем особого рода эмоционально-заряженную ситуацию общения с характерной эмоциональной доминантой, которая определяет коммуникативное поведение партнеров и представляет собой абстрактный инвариант категоризации концепта, фиксирующего данное эмоциональное состояние и его проявления.

Рассматривая концепты «хитрость» и «коварство» как неоднородные ментальные образования, обладающие определенной структурой, смыслы и оттенки которой раскрываются в эмоционально-категориальных ситуациях обще-

ния, мы попытались уточнить их конститутивные признаки через анализ базовых составляющих. Как показал анализ, ядром понятийной составляющей этих концептов является «обман», при этом «коварство» предполагает обман как «злостный умысел». В «хитрости» обман представляет собой «проявление изобретательности». Образное воплощение значений исследуемых концептов можно проследить в ЭКС, представленных в художественной коммуникации.

Как известно, любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей [Толкачева; Шаховский]. В художественных произведениях особенно выразительно прослеживается эмоциональный контакт (фатическая функция эмоций) речевой деятельности участников коммуникации. Причем одна и та же эмоция коммуникантов может эксплицироваться по-разному в зависимости от ситуации общения. Если в реальной коммуникации речевые партнеры непосредственно реализуют эмотивный потенциал используемых ими языковых единиц, то в художественной коммуникации эта реализация воспроизводится одновременно с описанием, передачей типических эмоциональных ситуаций общения.

Однословное определение эмоциональных состояний невозможно, по справедливому суждению С.В. Ионовой, учитывая «динамический характер эмоциональных переживаний, сложное сплетение в них многообразных эмоциональных импульсов» [Ионова, с. 150]. Однако в этом кластере эмоций, как мы предполагаем, именно доминантность конкретного эмоционального состояния определяет специфику коммуникативного поведения человека, начиная от его коммуникативных интенций до выбора соответствующей коммуникативной стратегии.

Каждая реальная ЭКС подвергается типизации в художественной коммуникации, при этом сохраняя свою идентичность, узнаваемость. Разрабатывая алгоритм описания модели ЭКС, мы попытались выделить следующие параметры ЭКС: субъект, объект, мотив, цель, коммуникативную стратегию, языковые средства ее реализации (вербальные / невербальные), результативность (эмоциональную реакцию субъекта / объекта).

При этом подчеркнем, что мы считаем обязательным рассмотрение наряду с вербальными и невербальными средствами, реализуемые в ЭКС. Именно использование невербальных средств общения помогает адекватно интерпретировать эмоциональное состояние партнера, иногда в совершенно противоположном вербализованному варианту значения. В отличие от вербальных языковых средств, которые могут прямо или косвенно выражать эмоции речевых партнеров, невербальные могут носить как контролируемый характер для интенсификации чувств, так и неконтролируемый характер. Это значит, что невербальные средства могут использоваться непреднамеренно, например, *произносить слова с усмешкой, злобно смеясь, смотреть в одну точку жутким взглядом, угрожающе повысить голос* и др. Такие языковые средства служат верификации истинных переживаний субъектов.

Для подробного рассмотрения единиц, объективирующих эмоциональные концепты «коварство» и «хитрость» нами были выделены текстовые фрагменты ЭКС «коварства» и «хитрости» как наиболее частотный вид ситуаций, представленных в произведении «Коварство и любовь», которое уже в своем названии указывает на наличие языковых средств объективации концепта «коварство», выраженных прямо или опосредованно. Однако, как показал анализируемый материал, в рассматриваемых ЭКС также наблюдаются и средства объективации концепта «хитрость». Анализируемые нами концепты тесно взаимосвязаны, так как зачастую их признаки переплетены между собой и могут граничить в зависимости от ЭКС их объективации.

Спецификой исследуемого материала является явное присутствие эмоционального компонента в вербальном и невербальном поведении художественных коммуникативных личностей. Автор, стремясь показать образ персонажей, воспроизводит в художественном тексте типичные сценарии ЭКС «коварства» и «хитрости», в которых реализуется образ хитрого и коварного поведения. Таким образом, наблюдаются определенные эмоциональные следы, связанные с данными концептами.

Анализ языкового воплощения рассматриваемых концептов в мещанской трагедии показал их репрезентацию через а) **номинацию субъекта** (*контрабандист; мошенник; отпетый негодяй; подлец; изверг; змея; тиран; убийца; сатана* и др.); б) **описание внешности и внутреннего мира человека** (например, *чернильная душа; глазки вороватые, мышинные; волосы огненно-рыжие; подбородок вылез вперед; она плутовка, хоть у нее и открытый взгляд* и др.); в) **планирование, обсуждение интенций коварного поведения** (например: *Миллер и его жена говорят о том, что с майором нужно быть повежливее, так как они немало нажились на одних его только подарочках*); г) **средства реализации коварных / хитрых замыслов** (например, *крайняя, отчаянная мера; попытка; яд; ловушка; подкоп* и др.) д) **дескрипцию признаков коварного / хитрого поведения** (например, *притвориться, что душно; подделывать подписи; достигать благополучия ценою гибели другого; вливать смертельный яд; жестоко отомстить; как бы нечаянно выронить письмо; бросить яд в стакан с лимонадом* и др.).

Для выявления особенностей проявления признаков эмоционального концепта «коварство» рассмотрим пример средств объективации коварства в следующей ЭКС, в которой представлен разговор между Президентом и его сыном Фердинандом по поводу того, что Фердинанд хотел построить отношения с Луизой, но его отец категорически против этого:

Президент в ярости мечется по комнате: Отца в смирительный дом! Мать и распутную дочь к позорному столбу! Правосудие найдет выход моему негодованию. За такое поношение я должен жестоко отомстить. Всякая мразь будет расстраивать мои замыслы и безнаказанно натравливать сына на отца? ... Ну, нет, окаянное отродье!

Я утолю свою злобу вашей гибелью, всю вашу семейку – отца, мать, дочь – я принесу в жертву лютой моей мести!

Субъектом данной ЭКС является Президент, объектом – члены семьи Луизы. Мотивом выражения коварных чувств субъекта в данной ситуации, т.е. инициирующее данную ситуацию эмоциональное состояние Президента явилось негодование, возмущение, чувство мщения по отношению к семье за то, что они не препятствовали союзу своей дочери Луизе и Фердинанду: *Правосудие найдет выход моему негодованию. Цель* выражается в намерении Президента отомстить семье Луизы: За такое поношение я должен жестоко отомстить. **Языковые средства**, используемые автором в данном диалоге на уровне лексики, прямо или косвенно транслируют эмоции, переживаемые персонажем, например, употребление инвективов в отношении адресата: *мразь, окаянное отродье, вся ваша семейка*. Автором используется и прямая номинация эмоционального состояния героя: *негодование*. Метафорическое описание коммуникативных интенций «*утолить злобу гибелью, принести в жертву лютой мести*» помогает понять глубину и доминантность эмоции гнева, как движущей силы разработки коварных планов Президента. К **невербальным языковым средствам** можно отнести кинетический компонент коммуникации: *Президент в ярости мечется по комнате*. **Результативность** анализируемой ЭКС определяется готовностью Президента жестоко расправиться с семьей Луизы «*всю вашу семейку – отца, мать, дочь – я принесу в жертву лютой моей мести!*».

В представленном ниже фрагменте ЭКС рассмотрим средства языковой объективации эмоционального концепта «хитрость», в котором Вурм предлагает Президенту заставить Луизу написать любовную записку к третьему лицу:

*Вурм (радостно): В таком случае сделайте одолжение, послушайте меня... Господина майора мы **возьмем хитростью**. Против девушки мы **употребим все ваше могущество**. Мы **продиктуем ей любовную записочку к третьему лицу и записочку эту ухитримся подсунуть майору**.*

Президент: Чепуха! Кто же это станет сам себе подписывать смертный приговор?

*Вурм: Должна будет подписать, если только **вы предоставите мне полную свободу действий**. Я знаю эту добрую душу как свои пять пальцев. У нее две слабые струнки, и вот **на одной из них мы и сыграем**.*

Объектом анализируемой ЭКС является Луиза, субъектами в данном случае выступают Вурм и Президент. Мотив представлен эмоцией радости Вурма от разработанного им плана, коммуникативная стратегическая цель: обхитрить Луизу и майора. **Вербальными языковыми средствами**, распредмечивающими эмоциональный концепт «хитрость», являются следующие лексические единицы: прямая номинация концепта – *ухитриться подсунуть что-либо, взять хитростью*; использование слов с уменьшительным суффиксом в качестве маркера хитроумного замысла – *продиктовать записочку к третьему лицу; слабые струнки*.

Метафора *сыграть на слабой струнке* выступает как мощное изобразительное средство, в котором «упаковано» значение *найти слабое, уязвимое место и воспользоваться им в своих целях*. **Результативностью** ЭКС является одобрение хитрого плана в отношении объекта – *предоставить полную свободу действий, употребить все могущество*.

Приведенные примеры ЭКС «коварства» и «хитрости» подтверждают выделенные нами дифференцирующие признаки исследуемых концептов. Основными характеристиками проявления коварства в коммуникативном поведении выступают *злодейство, жестокость, предательство, опасность, гибель, жертвы*. В то же время «хитрость» характеризуется такими отличительными показателями, как *сообразительность, мастерство, ум*.

Особо следует, на наш взгляд, отметить используемые автором как средства вербализации анализируемых концептов фразеологические единицы (далее – ФЕ), которые придают особую эмоциональность, выразительность, создавая эмотивную плотность при описании хитрого или коварного поведения художественных персонажей. Так, например, характеризуя проявления коварства в поведении героев, автор использует следующие ФЕ: *лезть из кожи вон; наилучшим образом отплатить; воспользоваться кем-либо как хлопнушкой для мух; вкрасться в сердце; раздавить букашку* и др. Как показало исследование, наиболее частотными ФЕ, при объективации концепта «хитрость» были следующие: *морочить голову; врать с три короба; разыгрывать роль; поддеть на удочку; быть в руках у кого-либо* и др.

Образные характеристики исследуемых концептов, конструируемые через фразеологические единицы в каждой конкретной ЭКС, более насыщены, так как они дополняют, уточняют понятийные и ценностные характеристики этих концептов. Более того, образная составляющая актуализирует личные качества героев, ситуативные признаки, поступки, взаимоотношения героев. Такая специфическая объективация концептов «коварство» и «хитрость» расширяется за счет ассоциативно-смысловых полей в контексте ЭКС. Кроме того, комплекс дополнительных значений позволяет глубже осмыслить идейное содержание произведения «Коварство и любовь», поскольку «весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть» [Попова, Стернин, с. 38]. Следует учитывать и то, что существующие в сознании человека концепты выражают индивидуальное отношение к миру, а концепты, представленные в художественных произведениях, преломляются сквозь призму авторского мировоззрения.

В нашем случае исследуемые эмоциональные концепты обладают большим количеством номинантов, раскрывающих основные стороны этих концептов. Тем не менее, полагаем, что это еще не все возможные конститутивные смысловые признаки и эмоциональные оттенки исследуемых нами концептов, проявление которых определяется моделируемой художественными средствами ситуацией общения.

Анализ показал взаимосвязь данных концептов: инвариантом коварного и хитрого коммуникативного поведения выступает, на наш взгляд, интенция, направленная на реализацию собственных, чаще корыстных целей. Таким образом, пограничность проявлений хитрости и коварства очевидна. Выделение компонента «жестокость, злодейство» в структуре концепта «коварство» позволяет говорить о градуальности исследуемых эмоциональных концептов, наблюдая возрастание эмоциональных проявлений *от бесхитростного поведения до явного злодейства (коварного зла)*. Это позволяет нам рассматривать анализируемые концепты как компоненты следующей парадигмы: **а) бесхитрость – б) хитрость – в) хитрость-коварство** (как пограничное проявление) – **г) коварство-злодейство**. Полярными компонентами в представленной парадигме являются «бесхитрость», т.е. «простота, наивность» и «злодейство», как «высшая точка проявления коварства». Следовательно, эмоции, сопровождающие данные категории, могут варьироваться в зависимости от ситуации общения. Приведем в качестве иллюстративного примера следующую ЭКС, в которой участник коммуникации Вурм напоминает Президенту о его коварных деяниях по отношению к своему предшественнику:

Вурм: Могу я говорить откровенно?

Президент (садится): Как преступник со своим соучастником.

Вурм: Так вот, прошу меня извинить, но всем своим президентством вы, сколько я понимаю, обязаны своей гибкости, гибкости испытанного царедворца, – почему же вы не проявили ее и как отец? Я помню, с каким невинным видом вы уговаривали вашего предшественника составить партию в пикет и потом, мирно попивая бургонское, сидели у него до полуночи, – а ведь это была та самая ночь, когда готовился взрыв колоссальной мины и бедняге предстояло взлететь на воздух...

Данный пример, на наш взгляд, является ярким подтверждением пограничности хитрости и коварства в коммуникативном поведении, когда художественными средствами раскрывается этот переход от «хитрости» (*уговаривать с невинным видом*) к «коварству-злодейству» (*готовился взрыв колоссальной мины и бедняге предстояло взлететь на воздух*).

Разнообразие стилистических средств, используемых автором, усиливает эмоциональную оценочность концептов «коварство» и «хитрость», дополняя их концептуальные признаки. В рассматриваемом нами произведении Ф. Шиллера широко представлена мощная палитра изобразительных средств, среди которых можно отметить, например, метафоры (*ядовитые стрелы; клинок достаточно остер; выпускать смертоносный яд; порвать железные цепи предрассудков; вкрасться в сердце; раздавить жалкую букашку; согреть змею; поставить кого-либо на колени; носить маску* и др.), гиперболы (*беспримерная подлость; неслыханное коварство / обман, какого еще не видывало человечество; совершать такие дела, какие и не снились умствующему рассудку и на Страшном суде суметь оправдаться лучше, нежели хитроумие всех мудрецов*), эпитеты (*кроважадный; страшный; злоеший; гнойный; чудовищный; гад-*

кий, крайняя, отчаянная (мера); ненасытная (гиена) и др.), оксюморон (быть ангельски добрым в своей суровости; сказать громким шепотом; нежность бывает еще жесточе и самовластней тиранства), аллюзию (по целым дням стеречь, словно Аргус), сравнение (держат кого-либо на собственном мошенничестве, как жука на нитке; как преступник со своим соучастником; этот выдохшийся лимонад – точь-в-точь как твоя душа).

Анализ материала убедительно свидетельствует о частотной представленности и варьировании эмотивных смыслов исследуемых нами эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость», что отражает разнообразие их смысловых оттенков, объективируемых в процессе реальной коммуникации.

Отметим, что для различных языковых культур сходным моментом является то, что положительные эмоции выражаются более однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда многообразны и конкретны и представляют собой мотивационную основу деятельности человека. Коварное и хитрое состояния – это сложные эмоциональные явления, которым сопутствуют дополнительные отрицательные эмоции, основными из которых являются *эмоции гнева, вражды, злости, мщенья*. Именно эти эмоциональные состояния со стороны субъекта (*эмоции обиды, ревности, зависти, любви, злобы, недовольства*) и адресата (*эмоции беспокойства, неуверенности, нервозности*) мотивируют и определяют коварное или хитрое поведение коммуникативных партнеров. ЭКС «коварства» и «хитрости» – это неотъемлемая составляющая парадигмы коммуникативного взаимодействия индивидуумов, целью которых является перехитрить, ввести в заблуждение, отомстить и пр.

Концепты «коварство» и «хитрость» распределчиваются, приобретая дополнительный смысловой оттенок, в эмоционально-категориальных ситуациях общения. Таким образом, ЭКС является коммуникативным пространством категоризации и объективации эмоциональных концептов.

Литература

Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике : 3-е изд., стереот. Воронеж, 2003.

Толкачева Т.И. Реализация функционально-семантического поля эмотивности на уровне эмоциональной категориальной ситуации // Изв. ВГПУ. 2007. № 5.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : монография. М., 2008.

Шиллер Ф. Коварство и любовь : мещанская трагедия /пер. Н. Любимова. М., 1975. [Библиотека всемирной литературы].